

СТЕЙСИ ХОЛЛС

ФАМИЛЬЯРЫ
ВЕДЬМ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Х72

Stacey Halls
THE FAMILIARS
Copyright © Atticus Jones Ltd., 2018
All rights reserved

Перевод с английского Елизаветы Рыбаковой
Серийное оформление Татьяны Гамзиной-Бахтий
Оформление обложки Михаила Корнилова
Карта выполнена Екатериной Скворцовой

Холлс С.

Х72 Фамильяры ведьм : роман / Стейси Холлс ; пер. с англ. Е. Рыбаковой. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 416 с. — (Новая готика).

ISBN 978-5-389-28130-1

Англия, XVII век. В четвертый раз забеременев после трех выкидышей, знатная дама Флитвуд Шаттлуорт всем сердцем желает подарить мужу наследника, но находит спрятанное им письмо от лекаря с предупреждением, что из-за хрупкого здоровья она может не пережить родов. В отчаянии будущая мать обращается за помощью к молодой местной повитухе Алисе Грей, и после того, как та обещает помочь Флитвуд родить здорового младенца, между женщинами столь разного положения возникает дружба. Тем временем в угоду королю Якову в Ланкастере разгорается охота на ведьм, надвигаются печально известные пендльские процессы над ведьмами. Попадает под подозрение и Алиса, но Флитвуд полна решимости спасти подругу.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© Е. Ю. Рыбакова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-28130-1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Графство Ланкастер (ныне Ланкашир),
начало апреля 1612 года*

Будь бесперечь собран и хладнокровен, ибо в противном случае недолго станет она исполнять твои повеления, но принудит тебя повиноваться ей.

*Книга о ястребиной
и соколиной охоте
Джордж Тербервилл, 1543–1597*

Благоразумие и справедливость.

*Фамильный девиз
Шаттлуортов*

ГЛАВА 1

Не зная, что делать, я вышла из дома с письмом в руке. Трава была влажной от утренней росы, и я быстро промочила свои любимые розовые шелковые туфельки, ибо в спешке не подумала надеть паттены¹. Но я не останавливалась, пока не дошла до деревьев в конце расположенной перед домом лужайки, и только там развернула зажатое в кулаке письмо, желая убедиться, что оно не плод моего воображения и не приснилось мне, когда я дремала в кресле.

Утро было прохладным, мглистым и зябким от ветра, дующего с холма Пендл, но, несмотря на смятение, я не забыла снять с крючка в глубине будуара плащ. Погладив на ходу Пака, я с удовольствием заметила, что руки не дрожат. Я не заплакала, не потеряла сознания, со мной ничего не стряслось, лишь снова сложила лист бумаги и тихо спустилась по лестнице. Никто не видел, как я уходила, лишь мельком я заметила сидящего за столом Джеймса, когда проходила мимо его кабинета. Мне пришла в голову мысль, что он сам мог

¹ Обувь в виде деревянной подошвы с кожаным или тканым ремешком, надеваемая поверх туфель для защиты их от уличной грязи. — *Здесь и далее примеч. пер.*

прочитать письмо, поскольку управляющие часто вскрывают личную корреспонденцию хозяев, но я быстро отбросила это предположение и вышла через парадный вход.

Облака напоминали оловянный кувшин, угрожающий пролиться, и я поспешила по траве к лесу. Я знала, что в своем черном плаще буду слишком приметна среди полей для любопытных глаз прислуги, смотрящей из окна, но мне нужно было подумать. В этой части Ланкашира земля зелена и сыра, а небо просторно и серо. Временами можно узреть промельк рыжей оленьей шкуры или синей шеи фазана, и взгляд успевает зацепить их раньше, чем им удается исчезнуть.

Я еще не успела добраться до спасительных деревьев, как дурнота снова начала овладевать мной. Я приподняла подол юбки, чтобы не запачкать его рвотой, потом вытерла платком рот. Ричард велел прачке опрыскивать платки розовой водой. Я закрыла глаза, несколько раз глубоко вдохнула и, когда снова огляделась вокруг, почувствовала облегчение. Листва на деревьях дрожала, птицы весело щебетали; я углубилась дальше в лес, и меньше чем через минуту Готорп полностью скрылся из вида. Стоящий на открытом пространстве дом из теплого золотистого камня, как и я, в окружающем пейзаже был заметен издалека. Но, тогда как дом не может скрыть тебя от леса, который, кажется, подступает все ближе и виден из каждого окна, лес может скрыть Готорп от тебя. Порой чудится, будто они затеяли какую-то игру.

Я снова развернула письмо и, разгладив смятую в тесном кулачке бумагу, нашла абзац, от которого у меня помутилось в голове:

Вы без труда можете догадаться о подлинной природе опасности, угрожающей Вашей супруге, и с величайшим сожалением я довожу до Вас свое профессиональное мнение лекаря, сведущего в вопросах чадорождения: навестив ее в давешнюю пятницу, я сделал весьма прискорбное умозаключение, что она не может произвести на свет ребенка и ей не следует рисковать. Чрезвычайно важно, чтобы Вы понимали: случись ей снова оказаться в тягости, она не переживет разрешения от бремени и ее земные дни будут сочтены.

Теперь, скрывшись от посторонних глаз, я могла позволить себе отдаться на волю чувств. Сердце лихорадочно колотилось, щеки горели. Накатил новый приступ тошноты, и я чуть не задохнулась, когда рвота обожгла мне язык.

Дурнота одолевала меня по утрам, в полдень и по ночам, выворачивая наизнанку. Порой меня тошнило сорок раз на дню; если это случалось лишь дважды, я была счастлива. На лице под кожей лопнули жилки, оставив тонкие алые волокна вокруг глаз, белки которых сделались демонически-красными. Ужасающий вкус, острый, как лезвие ножа, сохранялся в горле часами. Еда внутри не удерживалась. Да и все равно аппетита, к вящему разочарованию кухарки, не было. Даже брусочки моего любимого марципана лежали неразрезан-

ные в кладовке, там же пылились присланные из Лондона коробки со сладостями.

Преыдущие три раза не были столь мучительными. Нынче же создавалось впечатление, будто растущее внутри меня дитя силится выйти через горло, а не между ног, как другие, которые возвещали о своем преждевременном прибытии красными реками, текущими по бедрам. Их вялые тельца выглядели причудливо, и я оторопело смотрела, как их, точно свежие буханки, заворачивают в холстину.

«Бедный малютка, недолго задержался в этом мире», — сказала последняя повитуха, вытирая мою кровь с мясницких рук.

Четыре года замужества, трое родов, и все еще нет наследника, которого можно положить в дубовую колыбель, подаренную мне матерью на свадьбу. Я замечала на себе ее взгляды: она смотрела так, как будто я их всех подвела.

И все же я не могла постичь, как же так: зная мнение доктора, Ричард спокойно наблюдал, как меня разносит, будто рождественскую индейку. Письмо лежало среди других бумаг, связанных с моими тремя родами, так что возможно, он не заметил его. Как он мог скрыть его от меня? Внезапно слова лекаря будто соскочили со страницы и обернулись удавкой вокруг моей шеи. Имени написавшего их человека я не знала: во время его визита меня так скрутило болью, что я не запомнила ничего — ни его прикосновений, ни голоса, ни был ли он любезен.

Я шла и шла, не останавливаясь, чтобы перевести дух, и пропитавшиеся зеленоватой грязью туфельки теперь были совсем испорчены. Когда одна из них зацепилась за что-то и слезла с ноги, а ступня в чулке погрузилась во влажную землю — этого я уже не могла снести. Я скомкала письмо обеими руками и изо всех сил бросила подальше, испытыв мгновенное удовлетворение, когда бумажный шарик отскочил от дерева в нескольких ярдах от меня.

Если бы не эта гневная вспышка, я могла бы и не заметить кроличью лапку поблизости от того места, где упала скомканная бумага, как и кролика, которому она принадлежала, — или, по крайней мере, того, что от него осталось: изуродованного месива из шерсти и крови, — а рядом еще одного, и еще. Мне приходилось охотиться на кроликов, но ястреб и сокол убивают иначе, нанося четкий, аккуратный удар, прежде чем вернуться к хозяину. Потом я заметила кое-что еще: подол коричневой юбки, касающийся земли, согнутые колени, а выше тело, лицо, белый чепец. Прямо передо мной на корточках сидела женщина, пристально глядя на меня. От всего ее существа исходила животная настороженность. Она была в потрепанной одежде — домотканом шерстяном платье без передника, почему я и не заметила ее сразу на коричнево-зеленом фоне. Из-под чепца выбивались вьющиеся рыжеватые волосы. Выразительные большие глаза на вытянутом узком лице обращали на себя внимание даже на расстоянии: они были цвета теплого золота, как новые монеты. Взгляд женщины был по-мужски жестким, и, хотя она смотрела на ме-

ня снизу вверх, на мгновение я оробела, как будто это меня внезапно застали в лесу за подозрительным занятием.

В руках у нее болтался еще один кролик с пятнистым красным шкурой, чей глаз не мигая смотрел на меня. На земле рядом с женщиной лежал раскрытый грубый мешок. Она встала. Ветерок шуршал вокруг нас листвой и травой, но она оставалась совершенно неподвижной, с непроницаемым выражением лица. Только кроличья тушка слегка покачивалась.

— Кто ты? — спросила я. — Что ты здесь делаешь?

Она начала складывать кроликов в мешок. Мое скомканное письмо бледным пятном выделялось среди окровавленных шкурок, и, увидев его, женщина помедлила, длинные пальцы с алыми пятнами крови зависли в воздухе.

— Дай сюда, — резко потребовала я.

Подняв бумагу, она протянула ее мне, не сходя с места, и я, сделав несколько быстрых шагов, выхватила письмо. Золотые глаза не отрывались от моего лица, и я подумала, что никогда еще ни один незнакомец не смотрел на меня так пристально. Мне тут же пришло в голову, как нелепо я, должно быть, выгляжу в одной домашней туфле, пока другая валяется в грязи. После приступа тошноты щеки у меня, конечно, пылали, а глаза покраснели. Из-за кислоты во рту я говорила отрывисто.

— Как тебя зовут?

Она молчала.

— Ты побирушка?

Она помотала головой.

— Это моя земля. Ты воруеть кроликов на моей земле?

— На вашей земле?

Ее голос нарушил таинственность встречи, как камешек, брошенный в лужу. Это была обычная деревенская девушка.

— Я Флитвуд Шаттлуорт, хозяйка Готорпхолла. Это владения моего мужа; если ты из Падихема, то должна знать.

— Я не здешняя, — только и произнесла она.

— Тебе известно, как наказывают за охоту на чужой земле?

Она окинула взглядом мой черный плащ, выглядывающее из-под него платье из тафты медного цвета. Я знала, что кожа у меня землистого цвета, а в сочетании с черными волосами кажется желтушной, и не желала, чтобы об этом мне напоминала незнакомка. Я подозревала, что моложе ее, но не могла догадаться, сколько ей лет. Ее грязное платье, казалось, не чистили и не проветривали месяцами, чепец был цвета овечьей шерсти. Потом наши взгляды встретились — она смотрела на меня прямо и гордо. Я нахмурилась и вскинула голову. При росте четыре фута и одиннадцать дюймов я была ниже всех, кого встречала, хотя была и не из пугливых.

— Мой муж привяжет тебя к коню и волоком потащит к мировому судье, — с преувеличенной смелостью сказала я.

Девушка не произнесла ни звука, только листья шуршали и дрожали, и я снова спросила:

— Ты побирушка?

— Я никто. — Она протянула мне мешок. — Возьмите. Не знала, что это ваша земля.

Это был странный ответ, и я задумалась, что скажу Ричарду. Потом вспомнила о зажатом в кулаке письме и крепко стиснула его.

— Как ты их убила?

Она усмехнулась.

— Я их не убивала. Они были убиты.

— Мудреные слова. Как тебя зовут?

Не успела я договорить, как она развернулась золотисто-коричневым вихрем и устремилась в лес. Белый чепец мелькал между стволами, мешок колотился о юбки, ноги проворно семенили по земле, как лапы животного, пока лес не поглотил ее целиком.

ГЛАВА 2

Бряцание подвешенного к поясу кошелька предшествовало Ричарду повсюду. Думаю, так он подчеркивал свою власть — его появление предвещало звон денег. Сейчас, когда до меня донеслось знакомое брэнчание и стук лайковых сапог по лестнице, я сделала глубокий вдох и смахнула с лифа платья воображаемые ворсинки. Я встала, когда он вошел в комнату — веселый и бодрый после деловой поездки в Манчестер. В его золотой серьге играл свет, серые глаза блестели.

— Флитвуд, — он прижал ладони к моим щекам.

Я прикусила губу там, где он поцеловал ее. Могу ли я доверять своему голосу? Мы были в будуаре — муж знал, что найдет меня там. Хотя до нас в Готорпе никто не жил, это была единственная комната, которую я с полным правом ощущала своей. Я находила очень современным, что дяде Ричарда, который спроектировал дом, пришло в голову отвести отдельное помещение для нарядов, хотя жены у него не было. Разумеется, если бы женщины занимались планировкой интерьеров, будуары стали бы столь же необходимой частью жилищ, как и кухни. Я выросла в доме из угольно-серого камня под пепельными небесами, и в Готорпе, с его яркими, теплыми, словно здесь никогда не кончал-

ся рассвет, красками и тремя этажами сверкающих, подобно королевским драгоценностям, окон и башенкой посередине, чувствовала себя скорее принцессой, чем хозяйкой. По приезде Ричард провел меня по лабиринту комнат, и у меня закружилась голова от свежей штукатурки, сияющей деревянной обшивки, коридоров, где сновали маляры, слуги и плотники. Я предпочла расположиться на верхнем этаже, подальше от всех. Будь у меня грудной младенец или карапуз, которого нужно было водить вниз завтракать, я, возможно, сделала бы иной выбор, но, пока их не было, оставалась в своих покоях с прелестным видом на стремительную реку Колдер и холм Пендл.

— Снова беседуешь со своими нарядами? — спросил Ричард.

— Это мои постоянные собеседники.

Пак, мой огромный французский мастиф, поднялся с турецкого ковра, потянулся и, зевая, так широко разинул пасть, что в ней могла бы поместиться моя голова.

— Ну что, зверюга, — сказал Ричард, подходя и приседая рядом с псом. — Недолго тебе оставаться единственным объектом нашей привязанности. Придется делиться. — Он вздохнул и опустил ся на колени, уставшие от долгой скачки. — Ты здорова? Отдыхаешь достаточно?

Я кивнула, спрятав выбившуюся прядь волос под чепец. В последнее время они выпадали большими черными клочьями, когда я расчесывала их.

— Ты встревожена. Ничего не... Ты не...

— Все хорошо.

Письмо. Спросить его про письмо. В горле у меня стояли готовые вылететь слова, будто стрела, вставленная в натянутый лук, но на его милом лице отражалось лишь облегчение. Я слишком долго смотрела ему в глаза, понимая, что возможность задать вопрос ускользает, утекает сквозь пальцы, как песок.

— Что ж, в Манчестере все прошло удачно. Джеймс вечно нудит, что ему следует сопровождать меня в таких поездках, но я прекрасно справляюсь и сам. Возможно, он просто досадует, что я забываю записывать выручку, хоть я и говорил ему, что держу цифры в голове не хуже, чем на бумаге. — Он помолчал, не обращая внимания на Пака, который обнюхивал его. — Ты что-то сегодня очень тихая.

— Ричард, я прочла письма от повитухи. И от лекаря, который принимал роды последний раз.

— Кстати.

Он запустил руку под изумрудный бархат дублета и его лицо осветилось ребяческой радостью. Я ждала. Наконец, вынув руку, он уронил в мою ладонь странный предмет. Это был маленький серебряный меч, длиной с нож для писем, с сияющей золотой рукояткой. Но острие было тупым, и по всему клинку на миниатюрных крючках висели шарики. Я покрутила вещицу в руках, и она мелодично зазвенела.

— Это погремушка. — Ричард просиял и потряс мечик, и тот забренчал, как упряжь останавливающейся лошади. — Смотри, это колокольчики. Игрушка для нашего сына.

Он даже не пытался скрыть нетерпеливое ожидание в голосе. Я подумала о ящике, который держала закрытым в одной из спален. Там лежали полдюжины предметов, купленные им во время предыдущих беременностей: шелковый кошелек с нашими инициалами, конь из слоновой кости, уместающийся на ладони. В длинной галерее стояли рыцарские доспехи, которые он приобрел на радостях, когда я понесла первый раз. Его вера в то, что у нас будет ребенок, была чистой и сильной, как речка, даже когда он продавал шерсть в Престоне и проезжал мимо торговца, продававшего миниатюрные фигурки животных, или когда видел штуку шелка точь-в-точь жемчужного цвета у портного. Что касается последнего ребенка — только он знал, был это сын или дочь; я не спросила, поскольку так и не стала матерью. Каждый его подарок служил напоминанием о моей несостоятельности, и мне хотелось сжечь их все, чтобы дым поднялся из трубы и исчез в небе. Я подумала о том, где была бы без своего мужа, и мое сердце переполнилось печалью — он подарил мне счастье, я же трижды отплатила бесплодной надеждой, рассеявшейся при легчайшем дуновении ветра.

Я еще раз попыталась завести разговор о письме.
— Ричард, ты ничего не хочешь мне сказать?

Муж молча смотрел на меня. Пак зевнул и устроился на ковре. С первого этажа кто-то позвал Ричарда низким голосом.

— Это Роджер, — сказал он. — Мне нужно спуститься к нему.

Я положила погремушку на стул, спеша избавиться от нее, и Пак с любопытством ее обнюхал.

— Тогда я тоже спущусь.

— Я поднялся, только чтобы переодеться; мы собираемся на охоту.

— Но ты же скакал все утро.

Он улыбнулся.

— Охота — это не скачка, а удовольствие.

— Тогда я поеду с тобой.

— Ты чувствуешь себя в силах?

Я улыбнулась и повернулась к своим нарядам.

* * *

— Флитвуд Шаттлуорт! Ну надо же, какая вы бледная! — прогремел голос Роджера на конном дворе. — Белее подснежника, но вдвое красивее. Ричард, ты что, не кормишь жену?

— Роджер Ноуэлл, вы всегда знаете, как польстить женщине. — Я улыбнулась и подошла к своей лошади.

— Собираетесь с нами на охоту. Разве вы уже закончили все свои утренние женские делишки?

Он сидел на лошади, высокий и плотный, с вопросительно поднятыми седыми бровями, и его зычный голос проникал в каждый уголок конного двора.

— Хочу провести время в обществе своего любимого судьи.

Я пустила свою лошадь между конями мужчин. Роджер Ноуэлл был приятным попутчиком, и сейчас я готова признать, что, вероятно, испытывала к нему благоговейное почтение, поскольку у меня

не было отца, с которым можно было бы его сравнить. По возрасту он действительно годился и мне, и Ричарду в отцы, даже в деда, но те давно умерли, а когда Ричард унаследовал Готорп, Роджер стал нашим другом. На следующий день после нашего прибытия он прискакал верхом, привез трех фазанов и провел в имении весь день, рассказывая о состоянии дел в окрестных землях и о каждом жителе в отдельности. Мы ничего не знали об этой части Ланкашира с ее пологими холмами, тенистыми лесами и своеобразными людьми, и он был кладезем сведений. Знакомый давно почившего дяди Ричарда, бывшего главным судьей в Честере — ближе в семье к власти никто не приближался, — Роджер знал Шаттлуортов много лет и угнезвился в нашем доме, как унаследованный предмет мебели. Но мне он понравился при первой же встрече. Он горел ярко, словно свеча, а его настроение легко менялось, как колышущееся пламя, принося тепло и свет осведомленности всюду, где бы он ни появлялся.

— Новости из дворца: король, по-видимому, наконец нашел достойного жениха для дочери, — объявил Роджер.

Охотничьи собаки на псарне пришли в неистовство, заслышав нас, а когда их выпустили, свора, часто дыша, принялась вертеться вокруг ног лошадей.

— И кто же это?

— Фридрих Пятый, курфюрст Пфальцский. Он скоро приедет в Англию и, как все ожидают, по-

ложит конец параду гаеров, добивающихся руки принцессы.

— Вы поедете на свадьбу? — спросила я.

— Надеюсь. Это будет самое роскошное бракосочетание из тех, что видело королевство за многие годы.

— Интересно, в каком наряде будет невеста, — вслух подумала я.

Роджер не услышал меня из-за лая и вместе с Ричардом выехал со двора. Увидев гончих на поводках, я уразумела, что мы охотимся на оленя, и пожалела, что не осведомилась об этом раньше. Загнанный олень ведет себя не слишком приветливо, вращая глазами и обороняясь острыми рогами; я бы предпочла какую-нибудь другую добычу. Но поворачивать назад было поздно, и я пришпорила лошадь. Грум Эдмунд, игравший роль пса, скакал рядом с собаками. Когда мы ехали через лес, до меня доносились обрывки приглушенного разговора между мужем и судьей, но я молчала, слушая вполуха. На ум пришло воспоминание о вчерашнем дне: пятна крови, остекленевшие глаза и золотоволосая женщина.

— Ричард, — прервала я беседу мужчин. — Вчера кое-кто нарушил границу наших владений.

— Что? Где?

— К югу от дома, в лесу.

— Почему Джеймс ничего мне не сказал?

— Потому что я ему не сообщила.

— Так ты сама видела? Что ты делала в лесу?

— Ну... выходила погулять.

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

СТЕЙСИ ХОЛЛС
ФАМИЛЬЯРЫ ВЕДЪМ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Александр Александров
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Антонина Семенова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 28.05.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 25,48. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, к. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург к., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

R-607-37146-01-R